

ПОКА ЖИВ ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

«Покаянные» письма Бориса Пастернака и раскаяние Ольги Ивинской

Михаил Вирозуб

ИСТОРИЮ написания «покаянных» писем Пастернака необходимо рассказать именно сейчас, пока живы последние свидетели, а в людскую память еще не ввелись сведения, выдаваемые за правду.

В октябрьский день 58-го года в кабинет одного из сотрудников Управления по охране авторских прав (ВУОАП) вошел начальник управления Гайк Герасимович Эльчибеков. «Зоря, — сказал он, — у меня в кабинете сидит рыдающая Ивинская. Надо спасать Пастернака».

Не забудем, что всего два года минуло после XX съезда, всего пять лет прошло после «дела врачей», и почти не было в огромной стране семьи, откуда ушел бы с молоком матери впитанный страх. Время опутывало Пастернака. Проходили демонстрации с требованиями выдворить писателя из СССР после присуждения ему Нобелевской премии. Исключение из Союза писателей сопровождалось записанными в резолюции словами: «отщепенец», «изменник». Пастернак замыслил самоубийство.

Прежние страхи вернулись к прошедшей тюрьме возлюбленной поэта Ольге Ивинской и к молодому юристу Зоре (Исидору Грингольцу), как все евреи ждавшему в 53-м отправки в лагерь.

Юрист тогда понял, что судьбу Пастернака вершит один человек — Хрущев. «Надо писать письмо Хрущеву», — сказал он. Поехали на квартиру Ивинской, от имени поэта написали черновик письма, и Зоря ушел, никогда больше не встретившись с Ивинской, зная только, что Пастернак должен был письмо подписать. Так и произошло. А черновик просмотрели и переписали друзья дома: дочь Ивинской Ира, Ариадна Эфрон, Вячеслав Всеволодович Иванов, Марк Живов, Александр Яшин.

Прочитав, Пастернак изменил в тексте одну фразу, и в ЦК передали такое письмо:

«Уважаемый Никита Сергеевич, я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству».

Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство «не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР».

Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой».

Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе.

Осознав это, я поставил в известность Шведскую Академию о своем добровольном отказе от Нобелевской премии.

Выезд за пределы моей родины для меня равносителен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры.

Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу быть еще ей полезен.

Б. Пастернак».

Вечером 31 октября Зоря пришел домой и сказал жене: «Сегодня я спас Пастернака». Но годы спустя он говорил иначе: «Мне стыдно оттого, что я участвовал в тех событиях. Теперь-то понятно, что сам факт просьбы к Хрущеву унижал поэта. Знать бы, что всего через два года он умрет!»

Почти все дальнейшие подробности можно опустить, за исключением важнейшего факта: текст переданного Хрущеву письма власти не устроил, а в «Правде» было напечатано совсем другое «покаянное» письмо, сочиненное

Ольга Ивинская и Борис Пастернак. Санаторий «Узкое». 1957 год.

уже самой Ивинской вместе с заведующим Отделом культуры ЦК Поликарповым. Это-то письмо и вызвало позже упреки и осуждение со стороны Солженицына и Ростроповича:

«... я связан с Россией жизнью и работой, <...> не только с землей и природой, но <...> также и с ее народом, ее прошлым, ее настоящим и будущим <...>».

Редакция «Нового мира» предупредила меня, что роман может быть понят читателями как произведение, направленное против Октябрьской революции и основ советского строя. Я этого не осознавал, о чем сейчас сожалею.

«... это заявление я делаю со свободной душой, со светлой верой в общее и мое собственное будущее, с гордостью за время, в котором живу, за людей, которые меня окружают <...>».

5 ноября 1958 г. Б. Пастернак». Однажды, разговаривая с Ростроповичем, устыдилась своей роли и Ольга Ивинская, решив, что поэт замаран этой историей с письмами. Ольга Всеволодовна встала на защиту любимого человека, изложив бывшее с ними так.

После того, как стало известно о задуманном Пастернаком самоубийстве, Ивинская встретила с работником ЦК Дмитрием Алексеевичем Поликарповым, считавшим, что «скандал должен быть улажен». На вопрос, «что же конкретно делать, Д.А. в довольно туманных выражениях дал понять, что Б.Л. должен сейчас что-то сказать». 30 октября Ивинская поехала посоветоваться с Г.Б. Хесиным, который казался интеллигентным, приятным человеком. Но в своем кабинете Хесин заявил, что ничего не может посоветовать, а в коридоре остановившуюся у стеногазеты Ивинскую окликнул «один из молодых адвокатов», предложивший написать письмо на имя Хрущева и выработать текст. И вот в столовой квартиры Ивинской сидят уже упомянутые друзья дома: «Ира настаивала, что не надо посылать это письмо, не надо казаться ни в какой форме. Александр Яшин и Марк Живов усиленно советовали обратное. Мы переписали текст, припасенный (выделено мною). — М.В.) <...> Зоренькой. Ира с Комой (В.В. Ивановым). — М.В.) поехали в Переделкино за подписью Б.Л.»

«Б.Л. подписал письмо, внес одну лишь поправку в конце <...>».

Письмо было получено, а вскоре Хесин и Поликарпов передали

Ивинской, что Б.Л. нужно привезти в ЦК. «По дороге Хесин начал шептать мне: «Вы никогда не понимаете, кто ваш доброжелатель, кто враг. Вы никогда ничего не понимаете: ведь это же я вам на помощь Зореньку подослал». Я так и ахнула. Так вот оно что — им мало было отказа от премии — им очень хотелось публично унижить Б.Л. Ведь именно таким унижением для Пастернака было подобно рода письмо. Как же его заставить подписать такое?.. И вот находится путь — путь проходивший через меня. Понимая, что официальное лицо меня может не убедить — мне подсказывают «милое мальчишка...».

И не трогала бы нас эта история, оставшись в уже почти забытом времени, если бы не обвинения против молодого юриста. Умрут люди, знавшие Зорю, но Пастернак и многое, связанное с ним, долго еще будет питать литературоведов, самые дотошные из которых, выловив фамилию обвиняемого человека, помусолят ее, и некому будет воскликнуть: «Зорька? Что за чепуха?» — как возмущился старый друг — единственный, оставшийся в живых из юристов, работавших тогда в ВУОАПе.

Вопросов возникает много: кто такой Григорий Борисович Хесин, почему Ивинская пришла за советом именно к нему? Почему именно Зоря писал черновик первого письма?

Юрий Сергеевич Рудаков — тот единственный оставшийся свидетель — рассказал вот что.

В 40-е годы Хесин (именно так — через два «с». — М.В.) был директором ВУОАПа. Году в 49-м или 50-м его посадили, но знакомства среди писателей и композиторов у него оказались обширные, через несколько лет Хесина из тюрьмы вытащили, но вернулся он раздвоенным и испуганным на всю жизнь. Его взяли обратно в ВУОАП на должность зама по административно-хозяйственной части, а начальником был Эльчибеков — осторожный армянин (этакий «маленький Микоян»), старавшийся ни во что не влипать, особого веса при своем замке не имевший. Несколькими месяцами до описываемых событий ВУОАПовцы занимались переговорами и перепиской с Фельтринелли — итальянским издателем «Доктора Живаго» — писали текст телеграммы.

Поэтому-то, очевидно, и отправилась Ивинская к Хесину за советом, как к влиятельному (так ей казалось) человеку, уже быв-

шему в курсе дел. Она не подумала только о том, как Хесин пришиблен тюрьмой и страхом, и удивилась холодному приему.

Дальше можно только предполагать: то ли Ивинскую, выходящую от Хесина, встретил добрейший Эльчибеков, проводил к себе в кабинет и решил помочь, то ли, встретив ее, переговорил с Хесиным — это несущественно. Важно, что в юридическом отделе ВУОАПа работали трое: Юрий Сергеевич Рудаков, сам о себе сказавший «я был тогда зеленым», практикантка и Зоря — кандидат наук, эрудит, «блестящее перо». И Гайк Герасимович позвал на помощь просто-напросто единственного имевшегося в его распоряжении квалифицированного юриста. Вот вам «подослан» и «подсунут».

Прочитав парижское издание мемуаров Ивинской, возмущившийся друг Зори Иосиф Мамиофа писал: «Все обвинения Ивинской <...> опираются исключительно на одно-единственное слово, якобы употребленное Хесиным на следующий день во фразе, будто бы сказанной им в автомобиле, когда он и Ивинская ехали в Переделкино к Пастернаку» (т.е. на словечке «подослал». — М.В.). Иосиф Мамиофа вообще сильно сомневается в точности слов, вставленных мемуаристкой в прямую речь, и многократно показывает это. А далее говорит: «Являлся ли человек провокатором или нет, судят не по словам или намекам тех или иных сограждан, а по его собственным словам и делам. А Зоря ни словом, ни делом не дал Ивинской повода назвать его провокатором. По сути, все обвинения <...> покоятся на известных приемах обвинителей былых времен, когда обыкновенные и непредсудительные действия или предметы описывались словами и выражениями «обличительного» характера (например, в протоколе обыска вместо «арифмометр» — «множительное устройство»). Так и в книге Ивинской — чтобы слепить образ провокатора вместо нейтральных слов, вроде «послал», «передал» и т.п. Ивинская употребляет обличительные — «подослал», «подсунул», и создается впечатление обоснованности ее обвинения».

И еще на одно обстоятельство стоит обратить внимание: юрист к Пастернаку с письмом не ездил и ни разу с ним не говорил. Письмо, отредактированное друзьями, с пастернаковской правкой сдали в окошечко на Старой площади,

и оно пошло через чьи-то руки и кабинеты к Хрущеву. До опубликования в мемуарах никто не подозревал о его существовании, о существовании автора черновика. Когда письмо было ТАМ прочитано, ОТТУДА позвонил Поликарпов с «предложением» попросить Бориса Леонидовича написать обращение к народу. Ивинская вздыхает: «Конечно, проще всего было бы остановиться на письме Б.Л. к Хрущеву, но на это не хватило ни ума, ни элементарной гуманности». Вот так, оказывается: в той ситуации первое письмо стало более или менее приемлемым.

Можно стать на точку зрения Вениамина Каверина, что поэт вообще не хотел писать писем, а написание их (и, следовательно, сама идея) — сам по себе факт, его унижающий. К такому выводу пришел в конце концов и Зоря, а потому не стал ничего доказывать ни Ивинской, ни кому другому, неся клевету, как наказание. Мне написание первого письма не видится позорным, а главное — оно было прочитано самим Пастернаком и одобрено им, в отличие от другого, напечатанного, текст которого, по словам Ивинской, составлялся так: «Это была работа завязанных фальсификаторов. Мы брали (Ивинская с Поликарповым. — М.В.) отдельные фразы Б.Л., написанные или сказанные им в разное время и по разному поводу, соединяли их вместе». А после этого: «Когда я <...> пришла к Боре с новым вариантом письма, в котором были почти все его слова, но совсем не было его мысли, — он только рукой махнул». И подписал.

Письмо не умаляет поэта, но лишь власть, вынудившую людей — Пастернака, Ивинскую, Хесина и Зорю — бояться за свою жизнь и жизнь своих близких, переступая через честь и достоинство.

А юрист по-мужски принял на себя вину за преступления, которых не было, решив не связываться с много страдавшей, как он считал, женщиной, пусть и оговорившей его. К 1992 году — времени опубликования мемуаров в Москве — Ольга Ивинская, видимо, сама почувствовала неуверенность от некоторых своих суждений и оценок. В предисловии есть слова: «Книга написана давно, по горячим воспоминаниям. И я сама, глядя в то время из нынешнего, понимаю многие мои ошибки в толковании фактов, в отношениях с людьми, по-другому оценивая слишком категоричные иногда мои тогдашние симпатии и антипатии». В московском издании книги уже нет фамилии Зори. Но осталась неизменной сама версия происшедшего.

Репутация Зори, впрочем, осталась безукоризненной в профессиональных кругах в течение всей его жизни (умер он в 1989 г.). Он говорил: «Разве поверит словам этой женщины хоть один знающий меня человек? А прочим я неинтересен».

Да, его многие знали, охарактеризовать его отношение к власти достаточно двумя фактами: в 80-е, став известнейшим юристом, он анонимно передавал продуктовые посылки в лагерь правозащитнику Орлову, за советами, после написания письма в ЦК, приходил к нему художник Гриша Брускин.

Его порядочность никогда не подвергалась сомнению, кроме, увы, Ольги Ивинской. И на страницах книги она казнит за то, что под ее влиянием Пастернак подписал «покаянные» письма и, пытаясь оправдаться, беря на себя вину, хочет эту вину разделить на некую компанию. В компанию вошли: Григорий Хесин, молодой юрист Зоря и советовавшие поступить именно так друзья. Что ж, на миру и смерть красна.

Томас Мамиофа Борис

18.06.98